

КОРКИ МАНДАРИНА

Л.Л. ТВОРИТИ

Лотос Творити

Корки мандарина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68744127

SelfPub; 2023

Аннотация

Богатый молодой россиянин вынужден приехать из США в Москву, что очень ему не нравится. Праздная жизнь закончилась? Что его ждет в столице? Деньги на нуле... Тут еще и новый год близится. Какую роль сыграют корки мандарина в судьбе богатого россиянина?

Лотос Творити

Корки мандарина

Приезжая в Москву, чтобы произвести первое приятное неизгладимое впечатление, нужно обязательно иметь внешний вид на миллион долларов – иначе никто тебе не отвесит поклон до земли. Вот я это правило и нарушил... Приоделся как самый настоящий русский человек: в валенки, дутые штаны, фуфайку, шапку-ушанку из кролика и варежки из собачьей шерсти (но я их потом снял, они кололи ладони).

«Как тебя испоганила эта проклятая Америка!» – встретили меня такой ироничной фразой давние друзья. С ними я не виделся года два, что ли. И наверное бы, еще столько же не виделся, если бы не кое-какое обстоятельство в Нью-Йорке, которое запустило меня как пробку из-под шампанского напрямик в русскую столицу.

– Решил бойкотировать всю мировую моду, – ответил друзьям. А на самом деле мне захотелось побыть в шкуре простого русского мужичка со средней зарплаткой.

– Да не может такого быть! – удивились они. – Ты никогда на себя не наденешь небрендовую вещь!

Вот видите, что я говорил! Люди сначала смотрят на одежду, а уже потом на самого человека. В общем, я не произвел на своих давних друзей никого положительного впечатления – да и цели у меня такой не стояло. Но мы все равно обнялись

крепко, вернее они меня обнимали крепко, а я так, легонько похлопывал их по спине. Потом я положил свой чемодан в багажник Яндекс.Такси, и мы поехали ко мне в апартаменты (а вот в Америке за меня бы это сделал таксист!).

Единственно, о чем беспокоился, пока мы ехали по Москве, снежной, усыпанной яркими новогодними огнями и такой простенькой по сравнению с могучим Нью-Йорком, так это о том, чтобы моя сестренка была в апартаментах. Я бы ей позвонил, но мой айфон разрядился. Ведь все то время, пока я наслаждался свободной и взрослой жизнью в американском мегаполисе, она следила за моим укромным уголком в Москва-Сити.

– Что там интересного с тобой приключилась за границей? – кажется, спросили меня друзья. Ну да, они о чем-то там говорили со мной, а я, сидя впереди с водителем, смотрел в окно на прохожих москвичей, коих было очень много, как муравьев.

– Был на концерте Игги Азалии, – ответил. – А еще прошлой осенью на Бродвее ставили пьесу «Гарри Поттер и Проклятое дитя». Там была сама Джоан Роулинг.

– Да?! – взвизгнули мои друзья, что водитель лет пятидесяти хихикнул себе под нос. – Конечно, продолжение Гарри Поттера – это явно высасывание денег с фандома. Но ты-то взял автограф у нашей любимой Джо?

– Конечно же, нет, – с досадой сказал я. – Ее обступили люди на колясках, поэтому я решил, что возьму автограф

на премьерe фильма «Фантастические твари: Преступления Грин-де-вальда», а именно 16 ноября. Но... она снова давала автографы людям в колясках.

Вот мы и подъехали прямо к Башне Федерация. Мои апартаменты располагались практически на самом верху – на семьдесят первом этаже. Как я благодарен своему отцу за этот подарок на мое совершеннолетие. (Да, я его заслужил!) Правда, пожил я в этом подарке несколько месяцев и смотался в Америку, ибо там учеба куда лучше, чем в каком-то там МГУ им. Ломоносова, который стоит в рейтинге лучших университетов мира одним из последних. Да и английский мне надо было подтянуть. Хотя я и так владел им на уровне B2, но хотелось владеть на уровне C2 (то есть в совершенстве, как коренной носитель и читать в оригинале Диккенса, Вулф, Сэлинджера и других).

Еще о чем я волновался, так это о том, пустят ли меня в личное лобби – место, которое доступно только владельцам квартир в Башне Федерация. Наверное, секьюрити меня уже совсем забыли (с их крошечным мозгом это очень даже вероятно!). Однако я с друзьями спокойно зашли, секьюрити, одетые как снеговики на детском утреннике, с нами поздоровались и пропустили к лифту.

Лифт довольно быстро поднял нас на семьдесят первый этаж, а я уже успел повторить то, что продумал сделать со своей сестрицей, пока летел в самолете. Не успел я нажать на звонок, как дверь сама открылась, и я увидел женщину лет

сорока пяти с толстой косой, с большими красными щеками, но в сером костюме – в общем, свою старшую и единственную сестру.

– Ай-ай-ай, кто передо мной стоит! Мой голубчик, мой братец, мой русский мужичок! Тебе и двадцать одного года не дашь – как изменился! – всплеснула она руками. – Заходите! – жестом она пригласила меня и моих давних друзей внутрь, а я прям тут же запел, торжественно, раскатисто и чувственно: «Росси-и-ия – священная наша держава, Росси-и-ия – любимая наша страна!..»

– Ой-ой-ой, что ты со мной делаешь! – воскликнула сестрица, испытывая высшее наслаждение от того, что слышит гимн Российской Федерации. – Ты меня трогаешь до глубины души.

А я настойчиво продолжаю:

«Могу-у-учая воля, вели-и-икая слава, Твое-е-е достоинье на все-е-е времена!»

А она чуть ли плачет от наслаждения, вернее я вижу, как блестят патриотические слезы на краешках ее глаз, пока она снимает мне шапку-ушанку, развязывает шарф, берет у меня фуфайку, разувает – словом всячески обхаживает. (Вы просто не представляете, как было трудно отыскать все это тряпье в Америке! Но без этого тряпья мой план бы не состоялся.) Я продолжаю петь, поглядываю на давних друзей. Они просто в шоке от меня, ведь они-то знали, что я люблю слушать американский реп, Игги Азалию, к примеру.

– Рад тебя видеть несказанно! – я произнес это, когда полностью допел и когда она завершила всячески обхаживать меня. Единственное, о чем я сейчас беспокоился – это то, чтобы она не заметила, что у меня носки нерусского производства. (На мне еще были трусы Кэльвин Кляйн, тоже нерусского производства – но их-то точно она никогда не увидит и не разозлится. Для меня было главным, чтобы она ни в коем случае на меня не злилась.)

– Надеюсь, ты приехал навсегда? – спросила сестрица. – Ну ты же сам понимаешь – да-да-да! – что жизнь в Штатах – это не жизнь. Настоящая жизнь здесь, на Родине, с родными.

– Что я точно знаю, – соврал я, – праздновать Новый 2020 год в России – вот это прекрасно! – и решил добавить. – Боже, как это замечательно – говорить на русском языке, а не на каком-то там примитивном английском!

– Оу-у-у, – сестрица закатила глазки и приложила руки к сердцу.

Нда-а-а, женщине уже скоро стукнет пятьдесят, а она закатывает глазки... Хотя как тут не закатить – закатишь! Да, я на славу постарался! Вот на нее я произвел приятное неизгладимое впечатление. Мне это и надо было.

– Я так устал... – тоже соврал я. – Надо поесть, принять душ, пообщаться с друзьями. Ну ты понимаешь...

– Понимаю-понимаю, – кивала сестрица. – Еда в холодильнике. Полотенце, гель, шампунь...

– Да-да! – перебил я.

– Ну и... денежки лежат рядом с денежным деревцем, – добавила она.

Именно это я и хотел услышать!

– Ладно, мне пора. Работа, работа и еще раз работа.

Я поцеловал в щеку сестрицу и сказал, что видел ее рекламу, высоко оценил то, как она сделала ролик. (Как хорошо, мне не так долго пришлось смотреть онлайн какой-то российский канал, чтобы посмотреть на рекламу своей сестрицы. Кажется, это был Первый канал. Больше я не знаю каналов российского телевидения.)

Как только сестрица, вся искрящаяся счастьем и гордая за меня, хлопнула дверью, – я расслабился, теперь не нужно было играть «русского мужика». Теперь можно было быть самим собой. Я и не предполагал, что ее обдурить будет так легко? Ну наивное дитя! А ведь она скоро полвека будет жить на Земле!

– Это что сейчас был за цирк? – спросили у меня друзья.

Я им ответил только тогда, когда подошел к денежному дереву и взял стопку пятитысячных купюр толщиной в один том «Войны и мира».

– Вот зачем! – и торжествующе подергал стопкой, которая издала ласкающие слух бумажные потрескивания. Однако хотелось денежек побольше. Уверен, сестрица мне отсыплет еще. Нужно всего лишь ей нравится и ни в коем случае ее не злить.

– О-о-о! – азартно потеряли руками друзья и через какое-то

мгновение неожиданно прищурились. – Разве у тебя денег нет?

– Почему нет? Есть, – снова подергал я стопкой. Ненавязчиво. Хотя я бы предпочел электронные деньги на банковском счету. А бумажные деньги – прошлый век. Но в принципе тоже приятно. И неужели они подумали, что я пересек Атлантический океан, чтобы только подержать в руках толстую стопку пятидесяти тысяч купюр. Угу, больно надо. Конечно же, я приехал к ним праздновать Новый 2020 год! А о тех обстоятельствах, которые свалились на меня в Нью-Йорке лучше не вспоминать...

Друзья подождали меня, пока я нежился в душе, напевая песню Игги Азалии «Sally Walker» и действительно теплая вода и гель, пахнущий манго и еще чем-то, смысли с меня лишние мысли о том событии в Нью-Йорке, о котором я оцарапался.

Однако всё-таки нашлась причина, которая подпортила мне настроение. В холодильнике совершенно не оказалось еды! Ну разве можно назвать едой борщ, толченую картошку, голубцы, окрошку или холодец? Обязательно надо будет завтра всю эту дрянь выбросить! Ну ладно мясные котлеты или селедка под шубой, но холодец... Пришлось заказывать еду в ресторане «Sixty» – он располагался несколькими этажами ниже. Всегда любил этот ресторан. Вот там хорошая еда, а не всякие там голубцы...

Я с друзьями проболтал до двух часов ночи, сидя на теп-

лом махровом ковре. Они окружили меня, я был в центре их внимания. На нас опустилась темнота, горел только ночник, горел красиво красными звездами, облепившими стену и потолок. В основном говорили они. Они задавали мне вопросы, я отвечал. Иногда вопросы сменялись похвалой. Я вообще люблю их за то, что они постоянно меня хвалят. (Ну и я разок похваляю их, чтоб не обидеть.) Люблю, когда меня расхваливают. Даже просто так, ни за что, по пустякам. Да и, честно сказать, я и по-русски разговаривать не люблю. На английском – пожалуйста.

А вот в Нью-Йорке я бы так не сидел, не купался в похвале и внимании! Странно, я не хотел об этом думать. Эта мысль сама всплыла в моей голове. Кыш, мысль! Не надо всплывать!

Мы еще поговорили, вернее мои друзья еще поговорили со мной. Я вообще не поинтересовался, как там у них жизнь, что они делали до того, как я приехал, какое у них настроение, как они учатся, хватает ли им денег на развлечения. Наверное, я был равнодушным и плохими собеседником.

Однако, уверен, они понимали, что я устал от перелета, но делаю им одолжение и общаюсь с ними.

Уснули мы прямо на полу как-то быстро и незаметно, а проснулись, когда на часах пробило давно за полдень, пахло чем-то вкусным, наверное, рыбой, был включен телевизор на МУЗ-ТВ (я узнал, что существует еще один канал помимо Первого!), там играл клип какого-то мужчины, который

пел что-то подобное «Алкоголичка... спичка...». Довольно актуальная песня для России! А потом заиграла песня про гипноз. Тоже довольно актуально для России. Да и для Америки тоже. Да и для Европы тоже – что тут мелочиться!

– Вот и проснулся, наш соня! – сказали друзья. – Завтрак-обед на столе.

Я что-то ответил, даже не посмотрев им в глаза. Мне почему-то показалось, что я снова в Нью-Йорке. Показалось потому, что у меня там примерно точно такие же апартаменты. Только вид из окна другой... и не слышится русская речь. Но сейчас мне лучше не быть в Нью-Йорке. Замечательно, что я не там!

По привычке я прямо из положения лежа отжался раз тридцать. Мог бы и больше, но что-то лень. Думаю, тридцать раз отжаться – нормальная зарядка. Почистил зубы, позавтракал-пообедал, поставил айфон на зарядку (я почти целые сутки без него! Там уже было десять пропущенных из Америки, а еще я по привычке зашел в Инстаграм, просто так, и первой попавшейся фотке поставил сердечко – на фото была обворожительная @natalee.007 в ярко-красном новогоднем костюме) и для приличия спросил у друзей: «Где мы сегодня будем развлекаться?» Я же должен был им что-то сказать, правильно? Я же не некультурный хам?

Хм, иногда мне кажется, что друзья мне нужны только для того, чтобы тешить мое самолюбие. Опять безобразие... Мысль, я не просил тебя родиться в моей голове! Кыш!

Кыш!

– В клуб, может? – предложили друзья. – Или на лыжную базу? Или...

– А давайте лучше сходим куда-нибудь в... русское место, – положил я в раковину тарелку, на которой когда-то лежали аппетитные бургундские улитки с багетом и томатами. Просто объеденье! Еще бы одну порцию съел!

– В русское место? – переспросили друзья, хлопая глазами.

– Ну да. Надо ж мне вспомнить Москву, – а про себя добавил: «...и отчитаться перед сестренкой, какой я поклонник столицы нашей Родины!»

– Ну хорошо. Только куда? – по их голосу было понятно, что они хотели в клуб, или на лыжную базу, или куда-нибудь еще. Но они же так меня любили, так мной восхищались, что перечить мне не смогли. В какой-то степени они у меня на крючке... Да, я держу их на крючке. А они этого не понимают. Может быть, даже мы и не друзья... А кто тогда?

– В музей, – говорю.

– В музей?! – кто-то из друзей даже поперхнулся. Я, конечно, их понимаю, музей – это то же самое, что скучный подвал с протухшими банками огурцов, но мне же надо перед сестрицей показать, какой я любитель России! Поэтому сегодня поиграю роль примерного мальчика, а завтра можно будет расслабиться.

– Может, в «Зарядье»? Довольно интересный парк...

Действительно, очень хороший парк! Каждый уголок его пропитан новогодним настроением: весь искрится, как будто усыпан изжелта-красными угольками, принесенными эльфами из камина Санта-Клауса. Ой, Деда Мороза. Санта-Клаус – персонаж, которого не признает моя сестрица. Я сфотографировался с березой (даже два раза сфотографировался с березой!), стоял на Парящем мосту над Москвой-рекой, где сфотографировался на фоне Высотки на Котельничной набережной. Зашел в павильон «Медиацентр». Какой там ужасно опасный потолок! Тысячи острых иголок повисли на потолке и норовят упасть и вонзиться в тело... По крайней мере, у меня такие ассоциации были. Там я запечатлел себя с фрагментом Китайгородской стены XVI века. А еще там был кинотеатр, где я посмотрел как выглядела Москва во времена Юрия Долгорукого, в эпоху татаро-монгольского ига, во время Отечественной войны 1812 года и что-то еще, только я забыл что именно.

В общем, я с полным успехом набрал много материала, которым обязательно похвалюсь перед сестрицей. Спасибо друзьям. Они смиренно ходили со мной, были моими фотографами, исполняли мои прихоти (сбрасывали надоедливые звонки из Америки, например). И никто даже ничего не сказал. А ведь сегодня пятница, 6 декабря, как-никак у них идут лекции и семинары в МГУ, а они ради меня прогуливают. Ради меня. Да, значит много я для них значу. К тому же, скоро сессия. А что же они значат для меня?

Вечерело, мы присели под Большим амфитеатром, имеющим удивительно красивый стеклянный купол, через который просматривалось равнодушное сероватое небо. Неподдалеку кто-то пил топленый шоколад. Как же я захотел тоже его попить! Этот удивительный запах растеребил мне весь нос! Да и есть хотелось. Поэтому мы заказали еду, а доставить ее должен был сотрудник Деливери Клуб. Я весь обтекал слюнками, пока ждал.

Мои друзья о чем-то разговаривали. И самое интересное – они разговаривали со мной. А я им отвечал. Отвечал бездумно. Да, я плохой слушатель, а значит и собеседник плохой. Но они почему-то считают меня хорошим другом. Неужели им со мной интересно? Почему? Чем я их так привлекаю?

– Когда собираешься украшать свою хату? – спросили друзья.

– Апартаменты? – переспросил я. Слово «хата» – все-таки русское, а слово «апартаменты» – нерусское. Да и какая у меня хата? У меня великолепный дом на вершине небоскреба! – Да, надо украсить.

– Хочешь, поможем? Мы же у тебя будем праздновать.

Я кивнул, понимая, что они не просто мне помогут, а сделают абсолютно все: не просто купят елку, новогодние шары, сосульки и дождик, гирлянды, но и прочие побрякушки, которые впихивают нам магазины на Новый год. Они украсят дверь красными носками, развешают по стенам мигающие снежинки, приклеят на панорамные окна сказочные рисун-

ки и много чего еще.

Друзья что-то говорили (да, есть у меня такая плохая привычка – делать вид, что я слушаю, а на самом деле мне глубоко по барабану), а я все глотал слюни в ожидании еды. Хорошо, что перестало пахнуть топленным шоколадом. Но запах-то в моем воображении от него никуда не делся!

И тут мне на глаза попался юноша совершенно безвкусно одетый. Я бы на него никогда в жизни смотреть не стал, но из-за голода, что ли, или из-за непонятого любопытства я не отводил от него взгляда. На нем были рваные кроссовки, истертые джинсы, тонкая куртка, порванная на рукаве, и совершенно примитивная шапка, которую вообще надо снять с производства всего мира и законодательно запретить носить всем мужчинам! Это была обычная шапка, даже не знаю, как ее описать. Да и не буду! Она не заслуживает моего внимания.

Вот он шел, в руках у него был либо апельсин, либо мандарин. Он просто шел, маленькими такими шажочками неуверенного мужчины. Да и лицо у него отдавало серостью. Он прямо-таки выделялся среди толпы. Толпа яркая, цветистая, нарядная, а он – серое безвкусное пятно. И вид у него слабый, истощенный, словно вот-вот развалится от какого-то невидимого груза, привязанного к спине.

Вдруг юноша посмотрел на меня своими серыми глазами. Сквозь меня словно разряд тока прошел. У него был очень тяжелый взгляд. Мне не пришлось отворачиваться, потому

что он споткнулся о сугроб и упал.

Мои друзья посмотрели туда, куда смотрел я, и засмеялись.

– Надо же таким быть! – сказали они. – Какое убожество. Неужели ему нравится быть таким, какой он сейчас?

Пока друзья обсуждали того юношу, я продолжал на него смотреть. Он встал, отряхнулся и сел на самый первый ряд Большого амфитеатра, а мы сидели на пару рядов выше него. Не знаю почему, но это серое безвкусное пятно меня заинтересовало. Сейчас я видел только его узкую спину и руки, которые держали, как я понял, не апельсин, а крупный мандарин. И если мне не изменяет зрение, то фрукт был гнилой сбоку.

– Зачем этот бедняга сюда пришел? Только настроение своим унылым видом портит, – говорили бы мои друзья, если бы не сотрудник Деливери Клуб. – И как его пропустили сюда?

Все, они наконец замолчали. В их ртах был бигмак и другая вкусная дрянь из Макдака. А я сижу, сам жую эту дрянь, и смотрю, как тот юноша аккуратно очищает мандарин замерзшими пальцами. Вот он очистил и стал разламывать на дольки и есть. И начал он есть прямо с гнилого бока! Мне сразу же захотелось выплюнуть пережеванный бигмак... но я сдержался.

Мои друзья с измазанными в жиру губами уже доедали, да и я тоже доедал. Тот юноша уже давно съел мандарин и

просто сидел и дрожал от холода, скрестив руки на груди. Ну неужели нельзя встать и пойти домой? Зачем мерзнуть? Вот я с друзьями встал и пошел домой. Я пока еще здраво мыслю, чтобы понять, что я замерз и мне нужно тепло. А еще кружечка, нет, две кружечки топленого шоколада! Ммм, это будет вкуснятина!

Мы пришли в апартаменты. Друзья сделали много топленого шоколада, мне даже не нужно было утруждаться. Но снял верхнюю одежду и умылся я сам. Все-таки я же не лентяй, чтобы заставлять друзей обхаживать себя, да? Ради приличия спросил: «Не было ли вам скучно сегодня?» «Нет, мы же тебя столько не видели! Может, завтра покатаемся по городу?» – ответили они. Я оставил их вопрос без ответа, попивая жгучий шоколад, добавив туда перца. С перцем еще вкуснее!

Уснули все рано, часов в одиннадцать ночи. Лишь меня никак не одолевал сон. Я все думал о том юноше с мандарином. Сам лежу на диване (друзья на полу) и думаю о человеке, которого должен был бы сразу же забыть! Вот что с ним сейчас? Он вернулся домой? Ну не останется же он там сидеть до посинения всех своих конечностей, правильного? Здравый рассудок же должен в нем быть! Почему он гулял по парку один? Почему решил съест гнилой мандарин? И самое главное – что он подумал, когда посмотрел на меня? Надеюсь, ничего плохого он обо мне не подумал... Я же был одет в шапку-ушанку, фуфайку... Обычно такую одежду носят без-

обидные незлобивые люди. Но его тяжелый взгляд говорил об обратном. Ладно, все, хватит. Слишком много почестей я отдаю тому юноше, что задумываюсь о нем. Не все ли мне равно, что с ним случилось? Надо думать только о себе!

Меня (да и друзей тоже) разбудил долгий и надоедливый звонок в дверь. Дзи-и-иь! Дзи-и-инь!

– Ну суббота же! Дайте поспать! – сказали друзья и лениво пошли к двери, а я в это время подбежал к чемодану, из которого выложил практически все, кроме книги – «Евгения Онегина» Пушкина. Я быстро плюхнулся на кресло и сделал вид, что читаю.

– Доброе утро, братец! – вошла сестрица, вся в талом снегу. – С каких пор ты читаешь Пушкина? Молодец!

А я сижу, как будто не обращаю на нее внимание, якобы, я так увлекся этой писаниной, что не хочется отвлекаться.

– Я тебя проведать пришла, – сказала сестрица и открыла холодильник. Одним глазом я читаю, другим – смотрю на нее. Как хорошо, что мы ни борщ, ничего из холодильника не выбрасывали. – Вы что, голодали? К еде совсем не прирагивались?

– Почему? Мы ели, – соврали за меня друзья. – Только чуть-чуть.

В общем, уже через десять минут мы за обе щеки уплетали борщ, толченую картошку с мясными котлетками и с селедкой под шубой. Завтраком такой прием пищи не назовешь! Ну да, это можно есть, довольно съедобно, но я все

равно предпочитаю не такие примитивные блюда.

Не оставив ничего в тарелках, я взялся за айфон, чтобы показать свои вчерашние фото сестре. Она посмотрела, одобрительно покивала головой – и больше ничего. А как же эти патриотические слезы? Где восхищенные закатывания глаз? Между прочим я старался делать все эти фото. Хм, она как-то не так меня оценила.

– Как дела у отца? – спросил.

– У отца все отлично. Он больше хочет знать, как дела у тебя? – сказала сестрица. – Чего это ты ни с того ни с сего приехал в Москву? А как же учеба?

– Э-э-э... – задумался. – Как же? Я захотел встречать Новый год на родине... А лучше давай потом об этом поговорим.

Мне стало легче дышать и не так давило на грудь, когда сестра ушла в туалет.

– Ладно, мы пойдем... Предчувствуем, скоро у тебя будет трудный разговор, – сказали друзья разочарованно. Кто ж знал, что нагрянет сестрица и подпортит нам езду по городу? – Тогда созвонимся ближе к вечеру.

Они покинули меня, оставив наедине с полупустыми тарелками с борщом, толченой картошкой и салатом, а еще с сестрицей.

Она вышла из туалета с менее радостным настроением, чем когда туда заходила. С чего бы это? Неужели она увидела в стиральной машине мои нерусские трусы и носки? Вместо

того, чтобы направиться ко мне, она взяла пакет, с которым пришла, и достала оттуда пакет ярких мандаринов.

– Просто так никто не будет скакать с одного континента на другой, – сестрица села за стол напротив меня, положив фрукты. – Рассказывай, что случилось.

– Да, действительно, со мной кое-что случилось, – начал я, но продолжать не торопился. Я достал из пакета мандарин, а он оказался гнилым... (Позже его я положил рядом с денежным деревом.) А сестрица достала хороший. – У меня есть некоторые проблемы в университете.

– И для этого надо было лететь через Атлантический океан? Слабо верится.

– Что слабо верится? Именно из-за этого, – взял я другой мандарин и стал снимать кожуру.

– А там эту проблему решить было нельзя?

– Я думал обратиться за помощью к отцу, – я полностью очистил мандарин, но так и не принимался его есть.

– Неужели все так запущенно? – покачала головой сестрица.

– Можно сказать и так.

В общем, когда разговор закончился (а закончился он очень скоро), я был этому рад. Сестра обещала сказать о моей проблеме отцу и напоследок мне сказала: «Не надо строить из себя того, кем ты не являешься.» Я так понял, что она раскусила фальшивость моей образа «русский мужичок со средней зарплаткой». Гнилой мандарин я решил оставить и

положил его рядом со стопкой пятидесяти тысяч фигур у денежного дерева. А сам включил Игги Азалию (песня «Savior»), чтобы расслабиться, и думал, как там без меня друзья. Со скучили на все сто процентов – что еще может быть?

Планировал через полчаса позвонить друзьям, но потом решил побыть в одиночестве. То ли от того, что я так давно не был в нем, то ли от того, что мне особо и не хотелось с ними видаться. Какая в них польза? Они постоянно осыпают меня похвалами. Такое ощущение, что у них целый список похвал заготовлен.

Иногда нужно побыть в одиночестве, чтобы ответить на вопрос: а интересен ли я сам себе? И самый первый ответ, который пришел мне на ум, это то, что я не очень интересный человек. Что я делал? Посидел в Инстаграме, почитал «Евгения Онегина» (мне в некоторых местах даже понравилось!), послушал и потанцевал под Игги Азалию (песня «Lola»), просто лежал на диване напротив огромного панорамного окна и смотрел на крохотную Москву свысока. Вид меня уже почти не впечатлял (хотя именно он и был одной из главных причин покупки этих апартаментов). А вот если бы пошел снег, который волшебным образом порхал с утра, я бы и воскликнул «ого!».

В общем, не такой уж я интересный, оказывается, человек. Мне было с самим собой скучно. Не знаю, за что меня ценили друзья?

Слушайте... только сейчас меня стукнула в голову эта

ошеломительная мысль! Я ведь совсем не помню, как они выглядят... мои друзья... Нет, я помню, что там двое парней и одна девушка, им тоже по двадцать одному году, что учатся они в МГУ, а кто-то из них во ВШЭ. Помню их обувь от Луи Витон и Ральф Рингер. Помню их украшения от Соколов. А лица их не помню! Это очень странно... Вот, к примеру, сейчас ко мне придут какие-то люди, назовутся моими друзьями, а я и не смогу точно сказать – они это или не они. Да, это очень странно.

Если серьезно подумать, кто они мне? Те, кто осыпает меня похвалами? Те, кто разделяют со мной радость? Те, кто мне помогает во всем? Те, кто уничтожает мое одиночество? Скорее всего, последнее, потому что я боюсь одиночества. Боюсь остаться в четырех стенах. Какая скука смертная! Вот что можно делать одному (если ты, конечно, не находишься в туалете; там-то понятно, что одному дело найдется)? Так я уже в одиночестве около часа. Нашел же себе дело! Значит, не так уж я его и боюсь.

Так давай растянем это одиночество – не будем звонить друзьям! Лучше выйду один прогуляюсь по вечерней Москве – давненько такого со мной не было. Кажется, со мной такого никогда и не было. Я постоянно с кем-то, я постоянно в центре чьего-то внимания.

Прежде чем выйти гулять, я спустился на несколько этажей ниже, чтобы купить себе нормальную одежду (не буду же я ходить в фуфайке и шапке-ушанке!). Придется я про-

стенко: в дубленку с воротником из овечьей шерсти, красную водолазку со снежинками, зауженные брюки и кожаные ботинки. А еще я купил портфель, похожий на новогодний мешок, чтобы положить туда кошелек и айфон (на него снова звонили с Америки; я игнорировал. А еще звонили друзья, я тоже им не отвечал). Можно было его и не покупать, но он мне так понравился, что я не сдержался и купил!

Мне больше не пришло в голову ничего другого, как вернуться в парк «Зарадь». Я ходил там же, где вчера с друзьями (только в павильон «Медиацентр» не заходил; да, меня еще смущает там очень опасный потолок). Ходил и подслушивал за москвичами.

– Ну давай сходим! – упрашивал какой-то мужчина женщину сходить на премьеру «Звездных войн. Скайуокер восход».

– На этот бездарный фильм? – говорила женщина. – Вот если бы его режиссировал Джордж Лукас...

– А он продал все права на «Звездные войны» Диснею! Все, он устал снимать продолжения.

– Ну тогда я не пойду, – говорила женщина.

Или вот какой разговор двух девушек я подслушал.

– Я ему сказала купить хлеб с отрубями, а он купил хлеб с орехами, – жаловалась одна.

– Так что ты хотела от этих мужчин? – посмеивалась вторая.

– Как будто бы так трудно отличить хлеб с отрубями от

хлеба с орехами! – возмущалась первая.

Я переключился на прохожего, говорящего в телефон:

– К сожалению, 31 декабря я буду работать. Надеюсь, всю оторвусь на корпоративе...

А как мне-то хорошо сейчас, сижу себе беззаботно на скамейке, слушаю заботы людей!

И тут мне на глаза попало безвкусное серое пятно... Вот как неожиданность! Тот самый юноша в дурацких тряпках. И снова в своей примитивной шапке. И снова с мандарином в руках. На этот раз хоть мандарин будет нормальным? Он сел через две скамейки от меня. Я стал наблюдать. Юноша снова очистил мандарин. Держал его в руках, рассматривал скрупулезно. Потом понюхал. И отломил одну дольку. Как же он медленно ел! Одну дольку по две минуты. А весь мандарин он съел за двадцать четыре минуты (я поставил на айфоне таймер)! Видимо смаковал.

Я решил проследить за ним до его дома. Но он все еще сидел и просто смотрел перед собой как статуя. Еще где-то полчала и он действительно станет статуей – замерзнет. Да, в Москве сейчас настоящая зима со снегом, с легким морозом. Не то что в Нью-Йорке. Когда я улетаю оттуда, там еще не выпал снег и моросил дождь.

– Молодой человек, какая у вас красивая дубленка! Можно с вами познакомиться? – подседа ко мне девушка и погладила мой воротник из овечьей шерсти.

– Простите, я занят, – покачал я отрицательно головой и

отодвинулся от нее. Неприятно было оттого, что позволила себе прикоснуться ко мне.

– Чем? Задницу морозишь на таком холоде? – сразу же сменился тон ее голоса. И она ушла.

И тут до меня дошло, что слова «Простите, я занят» можно было понять по-разному: либо у меня есть девушка, либо я занят каким-то делом.

А я стал ждать, когда юноша встанет и пойдет. Он был неподвижен. Просто сидел как статуя! Неужели человеку больше делать нечего, как сидеть на холоде и морозить свою задницу? Хотя я этим тоже сейчас занимаюсь, однако ж не каждый день – в отличие от некоторых. Просидев с полседьмого до полвосьмого, у меня кончилось терпение! Я встал с готовностью заговорить с ним. Но юноша тоже встал и пошел. (Я даже понял, почему он встал. Потому что в восемь вечера парк закрывался!)

Честно признаться, даже идти за ним я устал. Я прошел кафе «Бьерн» на Пятницкой, кафе «Карлсон» на Овчинниковской набережной... У меня уже ноги отваливались преследовать этого юношу (а шел я не больше двадцати минут). За это время мне успели раз пять позвонить друзья, которых я не стал игнорировать. Скинул им смску: «Я сегодня хочу побыть один. За меня не беспокойтесь. Будем на связи ;)»

С другой стороны, зачем я преследую этого человека? Шел бы я себе в свои теплые апартаменты и чувствовал бы себя небожителем! Но нет... Мне просто захотелось позна-

комиться с этим человеком. Да, захотелось! Поэтому я не стал ждать, пока он дойдет до своего дома, а сразу же нагнал его.

– Привет! – сказал я дружелюбно.

Юноша, смотря себе под ноги, как будто меня не услышал.

– Ты любишь мандарины? – спросил. – Я тоже люблю.

Мне кажется, все любят их есть. Особенно на Новый год.

Юноша ускорил шаг. Его безразличие к моей персоне мне не нравилось. Что за безобразие? Я тоже ускорил шаг, а потом резко схватил его за руку. Она была очень холодной и тощей.

– Отпусти. Что тебе от меня надо? – устало попросил юноша. – У меня ничего нет. Если только корки мандарина в кармане. Тебе нужны корки мандарина? Это все, что у меня есть.

Тех нескольких секунд, что я держал его, было достаточно, чтобы почувствовать стойкий запах вони, исходящий от этого юноши. А ведь он, наверное, был моего возраста.

– Сколько тебе лет? – спросил я.

– Что ты ко мне пристал? – испуганный юноша не смотрел мне в глаза.

Он сказал это таким жалобным голосочком, который изрезал мне грудь, что я спросил:

– А тебе нравится твоя жизнь?

– Отпустите меня, пожалуйста, – снова попросил юноша, еще жалобнее. Видимо, он меня боялся. Я был и выше него,

и здоровее, и сильнее. – Меня дома ждут.

– Я ничего плохо тебе не сделаю, – сказал я и отпустил его. Но бежать от меня он, худой и замерзший, не стал.

– Вот, – он достал из кармана корки мандарина и положил мне в руки. – Это все, что у меня есть. Мне можно идти?

«Мне можно идти?» – этот вопрос оскорбил меня. Такое ощущение, что я его хозяин! Но ведь я не его хозяин. Он – свободный человек, а такие глупости говорит.

– Почему от тебя так плохо пахнет? – я постарался максимально деликатно это сказать, но юноша все равно смутился. И с места не сходил. Видимо, думал, что я за ним побегу.

– У нас дома нет горячей воды.

И тут во мне проснулся благодетель, что для меня совершенно не свойственно. Мне действительно стало так жалко этого юношу, которому не повезло в жизни. Мне захотелось ему помочь и я предложил:

– А у меня дома есть. Хочешь, искупайся у меня.

Он на меня посмотрел, как на сумасшедшего. С другой стороны, да, я сморозил чепуху. Разве можно воспринимать всерьез слова незнакомого человека, который предлагает тебе искупаться в его ванной? Это предложение пахнет недобрым. В конце концов, это странно. Очень!

– Мне можно идти? – жалобно спросил юноша зуб на зуб не попадая своими синюшными губами.

– Да, господи, иди! – сказал я грубо. Как меня раздражала его закрепощенность. Раздражала больше, чем его вонь. – Ты

не мой раб. Иди! Иди!

И он пошел, но не сразу. Он пристально смотрел на мои руки, вернее на корки мандаринов. Тяжело вздохнул и пошел. Я провожал его взглядом и дышал свежим вкусным московским воздухом.

Бросив мандариновые корки, я и сам пошел. Зачем они мне нужны? Какой-то мусор. Пройдя метров пятьдесят, я обернулся. И как вы думаете, что увидел? Я увидел того юношу, который подбирал эти корки. Вот делать ему больше нечего!

Не знаю почему, но я опять сморозил глупость и спросил, крича:

– Может, все-таки искупаешься?!

Юноша оставил меня без ответа и убежал, спотыкаясь, и успев даже целых два нелепейших раза запахать носом в снег. Я не стал его догонять. Но мне почему-то стало грустно.

Поднявшись в свои апартаменты, я незамедлительно принял теплую ванную с морской солью – настоящее расслабление во всех частях тела. А ведь в ней мог быть не я, а тот юноша. Если бы он захотел.

Да-а-а, ох как не повезло ему. Ходить вонючим, замерзшим, усталым перед Новым годом – сущий ужас.

Вот его лицо я разглядел и запомнил: впалые глаза и щеки, черты лица тонкие, губы синие от холода, нос красный. И до каких пор он будет ходить вонючим? До лета?

Я вынул ногу из теплой воды. Капельки воды задрожали

на ней. Легкий холодок прошелся от пальцев до бедра. И снова окунул ее в воду. Как приятно!

Не всем везет с папочками и мамочками. Вот тому юноше не повезло. А мне повезло! Я сейчас нахожусь в самом высоком небоскребе Европы, принимаю ванну удовольствия. А он вонючий где-то внизу в какой-то, наверное, обветшалой квартирке с низкими потолками чешется от грязи...

Нет, он правильно поступил. Я бы тоже не пошел к какому-то незнакомому человеку мыться. Ни. За. Что. А если бы моя сестра оказалась дома? Она подумала бы, что я нахватался американских ценностей? Тогда она бы не стала просить отца помочь мне с решением проблемы в университете. Да и не сестра она мне. Неродная. Мой отец как-то раз закрутил роман с молоденькой – вот появился и я. Сестренке было бы выгодно меня представлять в невыгодном свете перед отцом, ведь лучше, чтобы ей одной досталось его наследство... Я нервозно побултыхался в ванне, погладил себя по рукам и закрыл глаза, испытывая высшее расслабление.

Все-таки надо отучать себя от сна в ванне! Вода уже остыла, кожа сильно размокла. Да и есть какая-то вероятность захлебнуться... В том-то и дело, что не хочется прерывать наслаждение.

На следующий день пришли друзья. Не с пустыми руками. Они купили все для того, чтобы великолепно встретить Новый 2020 год! (Или почти все). Купили елочку-красавицу, новогодние игрушки, красные шапки с белыми помпо-

нами. Я наклеил на панорамные окна удивительной красоты снежинки. Друзья украсили стены гирляндами. О-о-о, я испытываю высшее наслаждение от украшения дома! Также они купили ящик французского шампанского Dom Perignon, ящик элитного вина Sassicaia и еще какую-то жидкость. А еще бенгальские огоньки – как же без них!

До Нового года оставалось около трех недель – и я не заметил, как они пролетели. Мы каждый день гуляли: то на катке в Горьковском парке, то мерили новогодние костюмы в ЦУ-Ме (я в Новогоднюю ночь буду белым мышонком!), то фоткались на фоне новогодних инсталляций у Большого театра, то посещали предновогодний бал... Много чего мы успели. У меня иногда в течение дня от такого ритма кружилась голова.

30 декабря я был дома один. Мы договорились с друзьями купить друг другу подарки. А я совсем не знал, что им подарить. Забил в поисковую строку: «что подарить на новый год 2020 идеи подарков». Предлагались разные варианты: и смарт-часы, и подушки, и бритвы, и кружки... Очень много всего, что я больше запутался, чем прояснил свои выборы подарков.

Я кинул айфон на кресло, а сам развалился на диване, положив ноги на его спинку. У меня из головы не выходил тот юноша. А что если бы он согласился искупаться в моей ванне? В моей. Только я имею право в ней мыться! И все-таки я бы ему разрешил. Не знаю, мне его жалко. Как толь-

ко бы он помылся, я бы ему предложил поесть. Заказал бы еду в «Sixty», он такую точно никогда не ел. Оставил бы его спать у себя дома. Он бы, наверное, и не заснул. Всю ночь бы смотрел через панорамные окна на потрясающий вид на Москву, на ее огоньки, на маленькие коробки многоэтажек. И, уверен, он бы спросил: а стекло прочное у окон? Я бы ничего не ответил, а лишь бы стукнул ногой по стеклу, которое бы звучно изогнулось, но не треснуло. А на следующий день я бы предложил ему приодеться в ЦУМе и выкинуть эту раздражительную примитивную шапку! Ну и раз уж на то пошло, сводил бы его в барбершоп. Мне не жалко было бы потратиться на его преображение! Нисколько. А 31 декабря я бы позвал его встретить вместе со мной и моими друзьями Новый 2020 год. Мои друзья были бы приятно удивлены знакомством с этим юношей и ни за что бы не узнали в нем то серое безвкусное пятно, какое они увидели в «Зарядье».

Как же я замечтался, что в груди защемило! Ох...

Вот если бы у него были бы папочка с мамочкой, как у меня, то он был так не страдал. У него нет тех, кто его бы любобовал. А у меня есть!

Я встал с кровати, оделся. И помчался со всех ног в «Зарядье». Тот юноша однозначно должен был быть там. Я уверен! Я заставлю его помыться, переодеться, поесть вкусные блюда – преобразиться во что бы то ни стало! Если он будет против – даже не послушаю. Не позволю ему пребывать на том ужасном дне жизни, на котором он сейчас находится.

Не позволю! Насильно заставлю его измениться! Ведь нельзя быть таким жалким, таким бедным, таким... таким... Ух! Нельзя!

Долгое время я не мог понять, почему на улице некоторые одаривают меня причудливыми взглядами. А потом до меня дошло: в спешке я обулся в разные ботинки. Ну и ладно! Сейчас главное – найти того юношу.

Я проходил по парку с четырех до восьми вечера, то есть до самого закрытия. Но так и не нашел его... Так замерз, что носков на ногах не чувствовал, что пальцы на руках не мог согнуть. Плохо, очень плохо, что я его не нашел...

Вернулся домой, разочарованный, усталый. Раскидал в раздражении обувь, не повесил дубленку, а кинул ее на самом проходе. И подошел к денежному дереву, где все еще лежал гнилой мандарин, который вместе с другими принесла мне еще в начале декабря сестренка. Он был похож на засохшее и огрубевшее сердечко. Я стал его чистить – даже сок не льется. Отломил одну худую потемневшую дольку и положил в рот.

Ммм, как вкусно! И, сделав горькое выражение лица, выплюнул.